

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА¹

Публикуемый ниже очерк взят из большой рукописи Маркса, написанной им зимой 1857/58 г. (с ноября по март включительно).

В этой рукописи, названной Марксом в одном из писем к Энгельсу «черновым наброском» (*Rohentwurf*), подведен итог почти пятнадцатилетней работе Маркса в области политической экономии. Объем рукописи — около 50 печатных листов. Работу над ней Маркс прервал в конце марта 1858 г. из-за болезни. После выздоровления Маркс стал готовить рукопись для опубликования, предполагая издать ее в ряде выпусков. Первым выпуском была вышедшая в 1859 г. книга «К критике политической экономии».

Рукопись 1857/58 г. представляет огромный интерес. В ней Маркс изложил («не для печати, а для уяснения вопросов самому себе») всю систему своих экономических взглядов. В основном в рукописи исследованы проблемы, получившие полное развитие в главном труде Маркса — «Капитале». Но в рукописи есть темы, развитые здесь гораздо подробнее, чем в дальнейших работах. К числу таких относится публикуемый здесь очерк.

Позднее, когда Маркс захотел воспользоваться рукописью 1857/58 г., он для себя составил перечень содержания всей рукописи. Печатающийся здесь очерк в перечне получил название, которое и взято нами в качестве заголовка.

В этом очерке Маркс проанализировал формы собственности: восточную, античную, германскую, отношения собственности при феодализме и процессы, создавшие предпосылки капиталистического строя. Очерк написан Марксом на основе огромного материала. Маркс овладел всей существовавшей тогда научной литературой по истории развития общественных формаций, о которых идет здесь речь. Опираясь данными науки, Маркс дал замечательно яркое освещение отношений собственности в разные эпохи истории человечества. О первобытном обществе в 50-х годах прошлого века было известно еще мало. Лишь с 60-х годов стали появляться работы о первобытном обществе (Бахофена, Тэйлора); работа Моргана (основной его труд «Первобытное общество») вышла в 1877 г.

Маркс, тщательно следивший за научной литературой, изучил все новые работы. В конце 70-х — начале 80-х годов он написал большую рукопись о первобытном обществе. Эта рукопись была использована Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

¹ Ввиду огромного значения опубликованной рукописи Маркса, в частности, для истории древности, редакция ВДИ помещает часть рукописи, напечатанной в №3 журнала «Пролетарская революция» за 1939 г., вместе с вводными замечаниями редакции этого журнала.

Из этих работ видно, какие поправки Маркс внес в свои взгляды на историю первобытного общества.

К вопросам истории германской общины Маркс также возвращался позднее. Например, в 1868 г. он составил подробный конспект работ Маурера (см. письмо к Энгельсу от 25 марта 1868 г.).

Перевод публикуемого очерка представлял значительные трудности, так как изложение во многих местах носит конспективный характер, довольно часты отступления и т. п. Немецкий текст рукописи 1857/58 г. подготавливается к печати.

Встречающиеся в тексте отрывки круглые и прямые скобки принадлежат Марксу. Слова, вставленные редакцией, заключены в фигурные скобки.

ФОРМЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ¹

(О процессе, предшествующем образованию капиталистического отношения или первоначальному накоплению)

Если предпосылкой наемного труда и одним из исторических условий капитала является свободный труд и обмен этого свободного труда на деньги (чтобы воспроизвести деньги и увеличить их в стоимости, чтобы этот свободный труд был использован деньгами не как потребительная стоимость для личного потребления, но как потребительная стоимость для денег), то (отрыв свободного труда от объективных условий его осуществления (от средств труда и материала труда) составляет другую его предпосылку. Следовательно, прежде всего—отделение рабочего от земли как его естественной лаборатории и в силу этого разложение мелкой свободной земельной собственности, а также коллективной земельной собственности, покоящейся на восточной общине (auf der orientalischen Komune). В обеих формах рабочий относится к объективным условиям своего труда, как к своей собственности; это и есть естественное единство труда с его вещными предпосылками. Поэтому независимо от труда рабочий имеет предметное существование. Индивид относится к самому себе, как собственник, как хозяин условий своей действительности. Так же относится он и к другим, и смотря по тому, имеет ли эта предпосылка своим основанием общину в целом или же отдельные семьи, образующие общину, индивид относится к другим, как к соучастникам в собственности, носителям общей собственности, или же как к самостоятельным собственникам наряду с ним самим как к самостоятельным частным собственникам, рядом с которыми общая собственность, ранее поглощавшая все и охватывавшая всех, сама, в виде особого *ager publicus*, становится рядом с множеством этих частных земельных собственников.

В обеих формах индивиды ведут себя не как рабочие, а как собственники и члены коллектива (*Gemeinwesens*), которые в то же время трудятся. Целью этого труда является не *создание стоимости*,—хотя они и могут затрачивать прибавочный труд, чтобы выменять для себя *чужой* {труд}, т. е. прибавочные продукты,—но целью его является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины. Превращение индивида в рабочего в этой обнаженности само является продуктом исторического развития.

¹ Из рукописи К. Маркса 1857/58 г., тетрадь IV, стр. 50—53, и тетрадь V, стр. 1—16-Рзд.

Первой предпосылкой первой формы этой земельной собственности является прежде всего естественно сложившийся коллектив: семья и разросшаяся в племя семья или ряд семей, связанных между собою взаимными браками, или сочетание (*Kombination*) племен. Так как мы можем допустить, что *пастушество*, как и вообще *передвижение с места на место*,— это первая форма такого способа существования, при котором племя не обосновывается оседло на определенном месте, но, передвигаясь, использует встречающиеся ему пастбища,—люди оседлы не от природы (только в особенно плодородной природной среде возможно, чтобы они, как обезьяны, сидели на одном каком-нибудь дереве,—обычно же они бродят, подобно диким зверям),—то *общность по племени*, естественная коллективность появляется не как *результат*, а как *предпосылка коллективного присвоения* (временного) и *использования земли*. Раз люди, в конце концов, становятся оседлыми, то уже от различных внешних (климатических, географических, физических и т. д.) условий, а также от природных свойств людей (от их племенного характера) будет зависеть, в какой степени эта первоначальная общность будет видоизменена. Естественно сложившаяся племенная общность или, если угодно, стадность, есть первая предпосылка (средство по крови, языку, нравам и т. д.) *присвоения людьми объективных условий*—как их жизни, так и той деятельности, которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность как пастухов, охотников, земледельцев и т. д.). Земля—вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для поселения, *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к *собственности коллектива*, причем коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек выступает только как звено {коллектива}, как член этого коллектива—он *собственник* или *владелец*. Действительное *присвоение* посредством процесса труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, но представляются естественными или *божественными* предпосылками труда. Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение (т. е. коллективная собственность на землю), сама может реализоваться самым различным образом. Например, ей несколько не противоречит, что, как в большинстве основных *азиатских* форм, *связующее единство*, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы. Так как это *единство* является действительным собственником и действительной предпосылкой коллективной собственности, то само оно может представляться чем-то *особым*, стоящим выше этого множества действительных отдельных коллективов, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности, или собственность (т. е. отношение отдельного человека к *естественным* условиям труда и воспроизводства как к принадлежащим ему, как к объективным условиям), как найденное им в виде неорганической природы тело его субъективности, представляется для него опосредствованной тем, что связующее единство, реализованное в деспоте как отец этого множества коллективов, наделяет отдельного человека через посредство той общины, к которой он принадлежит. Прибавочный продукт, который, впрочем, определяется законодательно как следствие действительного присвоения посредством труда, принадлежит поэтому, само собой разумеется, этому высшему единству. Поэтому в условиях восточного деспотизма и юридически кажущегося отсутствия при нем собственности, на деле в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышлен-

ности с сельским хозяйством в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной просуществовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширяющегося производства. Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного *лица*, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства—отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа—бога. Этого рода общинная собственность, поскольку она тут действительно реализуется в труде, может проявляться либо таким образом, что мелкие общины прозябают независимо одна возле другой, а внутри каждой из них отдельный человек трудится со своей семьей независимо на отведенном для него наделе с одной стороны—определенный труд для накопления *общего запаса*, в целях, так сказать, *страхования* и для *покрытия издержек коллектива как такового*, т. е. для войны, богослужения и т. д.; господское *dominium* {распоряжение собственностью} в его самом первоначальном смысле встречается впервые здесь, например, в славянских общинах, в румынских и т. д. Здесь заложен переход к барщине и т. п.); либо таким образом, что единство может распространяться на общность в самом процессе труда, могущую выработаться в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу, у древних кельтов, у некоторых племен Индии. Далее, общность внутри племенного строя может еще более проявляться в том, что связующее единство представлено одним главой племенной семьи; или же связующим единством является связь отцов семейств между собой. Соответственно этому форма этого общества бывает тогда более деспотической или более демократической. Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, *ирригационные каналы*, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства—деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами. Города в собственном смысле слова образуются здесь наряду с селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли; или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд.

Вторая форма {собственности},—а она так же, как и первая, породила существенные разновидности местные, исторические и т. п.,—являясь продуктом более подвижной исторической жизни, продуктом судеб первоначальных племен и видоизменений, которые они претерпели, тоже предполагает *коллектив* (*Gemeinwesen*), как первую предпосылку, но не так, как в первом случае, когда коллектив—это субстанция индивиды же всегo навсего лишь акциденции ее, или ее составные части, сложившиеся чисто естественным путем; эта вторая форма предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город, как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников). Пашня является здесь территорией города; не село как простой придаток к земле. Какие бы трудности ни представляла обработка земли, ее действительное присвоение, сама по себе земля не ставит никаких препятствий тому, чтобы относиться к ней, как к неорганической природе живого индивида, как к его мастерской, как к средству труда, объекту труда и жизненным средствам субъекта. Затруднения, встречающиеся для общины, проистекают только от других общин, которые либо уже раньше захватили земли, либо тревожат общину в захваченных ею землях: Поэтому война является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить. Вот почему

состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности. Концентрация жилищ в городе—основа этой воинственной организации. Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды—различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами и т. д. Общинная собственность—в качестве государственной собственности, *ager publicus*,—отделена здесь от частной собственности. Собственность отдельного человека сама непосредственно не является здесь общинной собственностью, как в первом случае, когда она, следовательно, была не собственностью отдельного лица, отделенного от общины, а лишь владением этого лица. Чем меньше собственность отдельного человека может быть фактически использована только коллективным трудом (т. е. таким образом, как, например, система орошения на Востоке), тем решительнее историческое движение, перемещение с места на место, ломает характер племени, сложившийся чисто естественным путем; чем более племя удаляется от своего первоначального местопребывания и захватывает *чужие* земли, следовательно, попадает в существование новые условия труда, и энергия каждого отдельного человека получает большее развитие (чем значительнее общий характер племени проявляется во-вне, как негативное единство, и именно так и должен проявляться), тем больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал *частным собственником* земли—особой парцеллы,—обособленная обработка которой предоставляется ему и его семье. Община (как государство) с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия. Общинный строй покоится здесь в такой же мере на том, что его членами являются трудящиеся земельные собственники, парцелльные крестьяне, как и на том, что самостоятельность последних обеспечивается их взаимным отношением между собой как членов общины, обеспечением *ager publicus* для общих потребностей, и общей славой, и т. д. Предпосылкой для присвоения земель здесь продолжает оставаться членство в общине но, как член общины, каждый отдельный человек является частным собственником. Относясь к своей частной собственности, как к земле, он в то же время относится к этой частной собственности, как к основанию своего членства в общине, а сохранение его, как члена общины, есть точно так же сохранение существования и общины, и наоборот, и т. д. Так как община, которая, хотя и является здесь уже *продуктом исторического развития* не только фактически, но и сознается таковой, следовательно *возникла*, является здесь предпосылкой *собственности* на землю, т. е. предпосылкой отношения трудящегося субъекта к естественным предпосылкам труда как принадлежащим ему, то эта принадлежность ему опосредствована причем она опосредствована тем, что он является членом государства, опосредствована существованием государства, стало быть, такой *предпосылкой*, которая считается божественной, и т. д. Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, работающее на непосредственное потребление; промышленность (*Manufactur*) как домашнее побочное занятие женщин и девушек (прядание и ткачество), или как промышленность, обособившаяся только в отдельные самостоятельные отрасли производства (*fabri* {ремесленники} и т. д.). Предпосылкой дальнейшего существования коллектива является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также *собственный труд* как условие дальнейшего существования их собственности. К естественным условиям труда они

относятся, как собственники; но эти условия должны еще все время действительно утверждаться личным трудом индивида в качестве условий и объективных элементов его личности, его личного труда. С другой же стороны, направление этого мелкого воинственного коллектива толкает его за эти пределы и т. д. (Рим, Греция, евреи и т. д.). «Когда предсказания авгуров,—говорит Нибур,—дали Нуме уверенность, что боги одобряют его избрание, благочестивый царь позаботился в первую очередь не о богослужении в храмах, а о людях. Разделив земли, добытые Ромулом оружием и предоставленные им для заселения, он учредил службу межевого знака. Все древние законодатели, и прежде всего Моисей, успех своих предписаний для поддержания добродетели, справедливости и добрых нравов основывали на земельной собственности или, по крайней мере, на обеспечении наивозможно большего числа граждан наследственным землевладением» («Римская история», том I, 2-е изд., стр. 245). Индивида ставили в такие условия для добывания жизненных средств, чтобы целью его было не стяжание, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя самого как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины. Дальнейшее существование общины есть воспроизводство всех ее членов как самостоятельно обеспечивающих свое существование крестьян, прибавочное время которых принадлежит именно общине, труду войны и т. д. Собственность на свой труд опосредствована собственностью на условия труда—на участок земли, в свою очередь гарантированной существованием общины, община же в свою очередь гарантирована прибавочным трудом в форме военной службы и т. д. членов общины. Член общины воспроизводит себя кооперацией не в труде, создающем богатство, но кооперацией в труде для коллективных интересов (воображаемых и действительных), обеспечивающих сохранность союза во-вне и внутри. Собственность—это собственность квинтиская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно—частный земельный собственник.

{Иной} формой собственности трудящихся индивидов (самостоятельно обеспечивающих свое существование членов общины) на естественные условия их труда является *германская* собственность. При этой форме член общины как таковой не бывает, как при форме специфически восточной, совладельцем общей собственности*; и не так, как в римской, греческой (короче говоря: классически-античной) форме...¹ Здесь земля, занятая общиной, является римской землей; одна часть ее сохраняется в распоряжении общины как таковой, в отличие от членов общины,—*ager publicus* в его различных формах; другую часть делают, и каждая парцелла земли является римской землей в силу того, что она есть частная собственность, домена римлянина, принадлежащая ему доля в лаборатории; но и он является римлянином, лишь поскольку он обладает этим суверенным правом.

* Там, где собственность существует *только* как общинная собственность, отдельный член как таковой бывает *только* *владельцем*, наследственным или не наследственным, особого участка, так как каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, т. е. как лицу, живущему в единстве с общиной, а не в отличие от нее. Стало быть, это отдельное лицо² является *только* владельцем. Существует *только коллективная* собственность и *только частное владение*. Способ этого владения может по отношению к коллективной собственности претерпевать самые различные видоизменения исторического, местного и т. д. характера, смотря по тому, выполняется ли самый труд изолированно—каждым частным владельцем, определяется ли самый его труд, в свою очередь, общиной или тем единством, которое вознеслось над отдельной общиной, к которой принадлежит данный частный владелец.

¹ В оригинале предложение не закончено. *Ред.*

² В рукописи вместо слов: «это отдельное лицо» написано: «это единство». *Ред.*

на часть римской земли. [В древности городское ремесло и торговля считались зазорными занятиями, земледелие же пользовалось большим почетом; в средние века наоборот]. [Право пользования общинной землей путем владения ею принадлежало первоначально патрициям, которые затем передавали ее в лен своим клиентам; *наделение собственностью* из *ager publicus* было исключительной привилегией плебеев; все ассигнования делались в пользу плебеев, так же как и дача вознаграждения за уступку своего пая общинной земли. *Земельная собственность в точном значении слова*, за исключением местности вокруг стен города, первоначально находилась только в руках плебеев (позднее принятые {в римское гражданство} сельские общины)]. [Основной характер римского плебейства в том, что это—совокупность крестьян, как это и выражено в их квиригской собственности. Древние единодушно почитали земледелие *единственным делом, подобающим* для свободного человека, школой солдата. Занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации; она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и промышленники, так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы. Повсеместно, где существует рабство, вольноотпущенники стремятся обеспечить свое существование такими занятиями, в результате которых они затем часто накапливают большие богатства: таким образом, эти промыслы были в древности чаще всего в их руках и потому считались не подобающими для граждан; отсюда взгляд, что допущение ремесленников к полноправному гражданству—дело рискованное (у греков более древнего периода они, как правило, были исключены из числа полноправных граждан). «Никому из римлян не позволялось вести образ жизни торговца или ремесленника». Древние и понятия не имели о таком почтенном учреждении, как цеховой строй времен средневековых городов; и даже здесь военная доблесть приходила в упадок по мере того, как цехи и гильдии одерживали верх над патрицианскими родами, а в конце концов и вовсе исчезла; вместе же с ней погиб почет, которым города пользовались во-вне, и их свобода]. [Племена древних государств были основаны двояким путем: либо *по родам*, либо *по территории*. Племена, организованные по родовому признаку, древнее племен, созданных по территориальному признаку, и первые почти повсеместно были вытеснены последними. Их самая крайняя, самая строгая форма—это кастовое устройство, когда одна каста отделена от другой; между ними не допускается смешения путем браков; касты совершенно различны по своему значению; у каждой касты своя исключительная, неизменная профессия. Племена, организованные по территориальному признаку, соответствовали первоначально делению края на области и села, так что всякого, кто ко времени установления этого деления (в Аттике при Клизфене) был коренным жителем села, приписывали в качестве демота села к той филе, к округу которой принадлежало село. Потомки же его, как правило, оставались в той же филе и в том же самом деме, независимо от их места жительства, в силу чего и это деление получало видимость деления по происхождению. Эти римские *роды* состояли не из кровных родственников. В качестве отличительного признака, наряду с родовым именем, Цицерон называет, кроме того, еще происхождение от свободных предков. У членов римских родов были общие святыни, что впоследствии исчезло (уже ко времени Цицерона). Дольше всего сохранялось наследование после умерших сородичей, не оставивших родных и не сделавших завещания. В древнейшие времена обязанностью членов рода было помогать нуждающимся сородичам в несении чрезвычайных повинностей. (У германцев первоначально это практиковалось повсеместно, дольше всех сохранилось у дитмаршенцев.) Роды—это сословные корпорации. Более общего деления, чем на роды, в древнем мире не существо-

вало. Так, у гэлов родовитые Кампбеллы образуют со своими вассалами один клан.] Так как патриций в большей степени является представителем коллектива, он является владельцем *ager publicus* и пользуется им через своих клиентов и т. д. (а затем постепенно и присваивает его себе). Германская община не сосредоточена в городе, путем же простого факта такого сосредоточения (в городе, как в центре сельской жизни, месте поселения работников земли, равно как центре военного руководства) община как таковая обретает в этом случае внешнее существование, отличное от существования каждого отдельного лица. История классической древности—это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии; азиатская история—это своего рода нерасчлененное единство города с деревней (крупные города могут рассматриваться здесь только как княжеские станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле); в средние века (германская эпоха) деревня как таковая является отправной точкой истории, дальнейшее развитие которой протекает затем в форме противоположности города и деревни; новейшая история—это проникновение городских отношений в деревню, а не как у древних—проникновение деревенских отношений в город.

При объединении¹ в город община как таковая обладает экономическим существованием; само *существование* города как такового отличается от простой множественности независимых домов. Здесь целое не просто сумма своих частей. Это своего рода самостоятельный организм У германцев, у которых отдельные главы семей селились в лесах, разобщенные один от другого большими расстояниями, община, рассматриваемая даже чисто *внешне*, существует в каждом отдельном случае лишь в форме сходов членов общины, несмотря на то что их *само по себе существующее* единство дано в их происхождении, языке, общем прошлом и общей истории и т. д. *Община* выступает, следовательно, как *объединение*, не как *союз*, как единение, самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли, не как единство. Община существует поэтому на деле не как *государство*, не как *государственность*, как у античных народов, потому что она существует не как *город*. Чтобы община обрела действительное существование, свободные собственники земли должны *сходиться на собрание*, тогда как в Риме, например, община *существует*, помимо этих собраний, в наличии *самого города* и должностных лиц, поставленных над ним, и т. д. Правда, и у германцев встречается *ager publicus*, общинная земля, или народная земля (*Volkland*), в отличие от собственности отдельного индивида. Этот *ager publicus*—район охоты, луга, лес для рубки и т. п., та часть земли, которая не может быть делима, если она должна служить в качестве средства производства в этой именно определенной форме. Но в то же время этот *ager publicus* не представляется, как например у римлян, в качестве наличия особого экономического бытия государства наряду с частными собственниками, так чтобы последние постольку были подлинно *частными* собственниками (*Privateigentümer*) как таковыми, поскольку они были *исключены*, отрешены (*priviert*), подобно плебеям, от пользования *ager publicus*. Напротив, у германцев *ager publicus* является только дополнением индивидуальной собственности и фигурирует как *собственность* лишь постольку, поскольку его как коллективное достояние одного племени надо отстаивать против враждебных племен. Не *собственность* отдельного индивида выступает как опосредствованная общиной, а, наоборот, в качестве опосредствованного выступает существование общины и общинной собственности, т. е. их существование выступает

¹ С этого абзаца начинается новая тетрадь рукописи. На обложке—надпись: «Тетрадь V. Январь 1858 г. Лондон. (Начата 22 января.)» На первой странице надпись: «Тетрадь V (глава о капитале. Продолжение)».

как взаимное отношение самостоятельных субъектов. По существу дела экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства (промышленность только как побочная домашняя работа женщин и т. д.). В античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым; в германском же мире экономическим целым является отдельное жилище, которое само занимает лишь один пункт на принадлежащей ему земле; это не концентрация множества собственников, а семья как самостоятельная единица. В азиатской (по крайней мере преобладающей) форме не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение; действительный, настоящий собственник—это община; следовательно, собственность существует только как *коллективная собственность* на землю. У античных народов (римляне как самый классический пример, тут суть дела в самой ясной, самой выпуклой форме) противоречивая форма государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой, или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме. Вот почему частный земельный собственник является в то же время городским жителем. Экономически принадлежность к государству находит свое разрешение в той простой форме, что крестьянин является жителем города. В германской форме крестьянин не есть гражданин государства, т. е. не есть обитатель городов; дело же обстоит так, что изолированное, самостоятельное жилище семьи (Familienwohnung) является основой, гарантированной союзом с другими подобными же жилищами семей того же племени и их сходками от случая к случаю, по поводу войны, для отправления религиозного культа, разрешения тяжб и т. д., в целях подобного рода поруки друг за друга. Индивидуальная земельная собственность не выступает здесь как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а, наоборот: община существует только во взаимных отношениях этих индивидуальных земельных собственников как таковых. Общинная собственность как таковая выступает только как общая принадлежность индивидуальных поселений соплеменников и индивидуальных земельных заимок. {Германская} община—это не субстанция, по отношению к которой отдельный человек выступает только как акциденция {как в восточной общине}. Точно так же она и не *такое единство* {как в античной общине, где} общее как таковое в виде города с его городскими потребностями и в представлении отдельного человека и в действительности отличается от существования и потребностей отдельного человека; или где община в виде своих городских земельных угодий отличается от особого экономического существования отдельного члена общины; напротив, германская община сама по себе, с одной стороны, как общность по языку, крови и т. д., является предпосылкой существования индивидуальных собственников; но, с другой стороны, она на самом деле существует только в их *действительном собрании* для общих целей, и в той мере, в какой она имеет особое экономическое существование в виде сообщества используемых районов охоты, пастбища и т. п., она используется каждым индивидуальным собственником как таковым, а не как представителем государства (как в Риме); это действительно общая собственность индивидуальных собственников, а не собственность союза этих собственников, в городе имеющих существование, обособленное от них, как отдельных собственников.

Суть дела здесь собственно в следующем. Во всех этих формах, в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя, в силу чего экономической целью является производство потребительных стоимостей, *воспроизводство индивида* в тех определенных отно-

шениях его к общине, в которых он образует ее базис, — во всех этих формах налицо имеется следующее: 1) присвоение естественного условия труда (земли, как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, но предшествует труду, как его предпосылка. Индивид относится к объективным условиям труда просто, как к своим, относится к ним, как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует; главное объективное условие труда — это не *продукт* труда, а сама *природа*; с одной стороны, — живой индивид, с другой, — земля как объективное условие его воспроизводства; но 2) это *отношение* к земле, как к собственности трудящегося индивида (который поэтому с самого начала является не просто трудящимся индивидом, не абстрактно, но имеет в собственности на землю *объективный способ существования*, являющийся заранее существующей *предпосылкой* его деятельности и не представляющийся ее простым результатом, но являющийся такой же предпосылкой ее деятельности, как его кожа, его органы чувств, которые он, правда, тоже воспроизводит и развивает и т. д. в процессе жизни, но которые как предпосылка предшествуют самому этому процессу воспроизводства), сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида, как члена *определенной общины*, его естественно сложившимся бытием, как члена племени и т. д. Изолированный индивид так же мало мог бы иметь собственность на землю, как и говорить. Он мог бы, правда, поддерживать на ней свое существование, подобно животным. Отношение к земле, как собственности, всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель племенем, общиной, имеющей более или менее естественно сложившуюся или уже исторически развитую форму. Тут индивид никогда не может выступать так резко обособленным, каким он представляется, существуя просто как свободный рабочий. Если объективные условия как принадлежащие индивиду являются предпосылкой его труда, то субъективной предпосылкой является сам индивид как член какой-либо общины, которая опосредствует его отношение к земле. Его отношение к объективным условиям труда опосредствовано тем, что он существует как член общины; с другой же стороны, действительное существование общины определяется тем, что его собственность на объективные условия труда имеет определенную форму. Выступает ли эта опосредствованная принадлежность к общине собственностью как *коллективная собственность*, при которой отдельное лицо является только владельцем и частной собственности на землю вовсе не существует; или она выступает в двойной форме — как государственная и наряду с ней частная собственность, но так, что последняя обусловлена первой, в силу чего только гражданин государства является и должен быть частным собственником, между тем как его собственность как гражданина государства имеет в то же время особое существование; или же, наконец, эта общинная собственность выступает только как дополнение к индивидуальной собственности, тогда как последняя фигурирует как ее базис, а община сама по себе вообще не существует вне *собрания* членов общины и вне их соединения для общих целей; эти различные формы отношения членов общины или племени к земле племени (к земле, на которой оно обосновалось) зависят частью от природных задатков племени, частью же от тех экономических условий, при которых племя уже действительно относится к земле, как к своей собственности, т. е. присваивает плоды земли трудом; последнее, в свою очередь, само будет зависеть от климата, физического состава почвы, физически обусловленного способа ее эксплуатации, от отношения к вражеским или соседним племенам и от изменений, которые влекут за собой переселения, истори-

ческие события и т. д. Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее установленных объективных условиях. Само производство, рост населения (а он тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить, и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан. Всего упорнее и всего дольше неизбежно держится азиатская форма. Это заложено в ее предпосылке: в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объем производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло связаны воедино и т. д. Изменяя свое отношение к общине, отдельный человек изменяет тем самым общину и действует на нее разрушающе; точно так же он действует и на ее экономическую предпосылку; с другой стороны, происходит изменение этой экономической предпосылки, вызванное ее собственной диалектикой, обеднение и т. д. В особенности влияние военного дела и завоеваний (что в Риме, например, по существу относилось к экономическим условиям самой общины) подрывает реальную связь, на которой она держится. Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное*, *объективное* бытие как в смысле его отношения к условиям труда, так и в смысле его отношения к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д.,—в силу чего эта основа с самого начала имеет *ограниченный* характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель. Именно так влияет у римлян развитие рабства, концентрация землевладения, обмен, денежные отношения, завоевания и т. д., несмотря на то, что все эти элементы до известной грани казались совместимыми с основой их общества и отчасти как будто лишь расширяли ее невинным образом, отчасти казались развившимися из этой основы простыми злоупотреблениями. Здесь, в рамках определенного круга, может происходить значительное развитие. Могут появляться крупные личности. Но здесь немислимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением {между индивидом и обществом}.

У древних мы не встречаем ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т. д. является самой продуктивной, создает наибольшее богатство. Богатство не выступает как цель производства. Хотя Катон отлично мог заниматься исследованием того, какая обработка полей является наиболее выгодной; или Брут мог даже ссужать свои деньги за самые высокие проценты. Исследуется всегда вопрос: какой способ собственности обеспечивает государству наилучших граждан? Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов—монополистов посреднической торговли,—живших в порах древнего мира, как евреи в средневековом обществе. Дело в том, что, с одной стороны, богатство есть вещь, воплощено в вещах, материальных продуктах, которым человек противостоит как субъект; с другой же стороны, богатство как стоимость—это просто власть распоряжаться чужим трудом не в целях господства, но для частного потребления и т. д. Во всех формах богатство принимает вещный вид, будь это вещь или отношение, опосредствованное вещью, находящейся вне индивида и случайно подле него. Вот почему кажется, что древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, куда возвышеннее, если

сопоставить его с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой природы, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому-либо *заранее установленному* масштабу? Когда человек воспроизводит себя не в каком-либо одном определенном направлении, а производит себя во всей целостности, не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, но находится в абсолютном движении становления? В буржуазной экономике—и в ту эпоху производства, которой она соответствует,—это полное обнаружение внутренней сущности человека проявляется как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления (*Vergegenständlichung*)—как полное отчуждение, а уничтожение всех определенных односторонних целей—как принесение самоцели в жертву совершенно чуждой цели. Поэтому младенческий древний мир представляется, с одной стороны, чем-то более возвышенным, нежели современный. С другой же стороны, древний мир, действительно, возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, форму и заранее установленное ограничение. Он дает удовлетворение, которое человек получает, находясь на ограниченной точке зрения, тогда как современное не дает удовлетворения; там же, где оно выступает самоудовлетворенным, оно—*пошло*.

То, что г-н Прудон именует *внеэкономическим* происхождением собственности, подразумевая под этим именно земельную собственность, это—*добуржуазное* отношение индивида к объективным условиям труда, и прежде всего к *естественным*—объективным—условиям труда; ибо, когда трудящийся субъект—естественный индивид—естественным образом имеется налицо, первое объективное условие его труда выступает как природа, земля как его неорганическое тело; сам естественный индивид—это не только органическое тело, но он есть сама эта неорганическая природа как субъект. Это условие не является его продуктом, но заранее имеется налицо, существует помимо него в качестве его естественного бытия, является его заранее данной предпосылкой. Прежде чем мы продолжим анализ этого,—еще следующее замечание: бравый Прудон не только мог бы, но и должен был бы равным образом обвинить во *внеэкономическом* происхождении *капитал* и *наемный труд* как формы собственности. Ибо нахождение рабочим условий труда, как отдельно от него существующих, как *капитала* и нахождение капиталистом *рабочего* как лишенного собственности, как абстрактного рабочего (обмен, как он происходит между стоймостью и живым трудом, предполагает *исторический процесс*, хотя капитал и наемный труд сами воспроизводят это отношение и воздействуют на него во всем его объективном объеме, а равным образом и вглубь)—это отношение наемного труда и капитала предполагает, как мы видели, исторический процесс, представляющий из себя историю происхождения капитала и наемного труда. Иными словами: *внеэкономическое происхождение* собственности означает не что иное, как *историческое происхождение* буржуазной экономики, тех форм производства, которые в категориях политической экономии выражены теоретически или идеально. Но та

истина, что добуржуазная история и каждая ее фаза тоже имеют свою *экономику и экономическое основание* движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей издавна была основана на производстве, на того или иного рода *общественном* производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями.

Первоначальные условия производства (или, что то же самое: воспроизводство людей, число которых увеличивается путем естественного процесса между обоими полами; ибо это воспроизводство, если оно, с одной стороны, и является присвоением объектов субъектами, то, с другой— оно в такой же мере есть формирование объектов, подчинение объектов субъективной цели, превращение объектов в результаты, заместителя субъективной деятельности) первоначально *не могут сами* быть произведены, не могут сами быть результатами производства. В объяснении нуждается (или результатом какого-либо исторического процесса является) не *единство* живых и деятельных людей с естественными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой, и в силу этого их присвоение природы, а *разрыв* между этими неорганическими условиями человеческого бытия и этим деятельным бытием, разрыв, впервые становящийся полным лишь в форме отношения наемного труда и капитала. В отношениях рабства и крепостной зависимости этого разрыва нет; напротив, одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим и естественным* условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам *рабочий*, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или как привесок к земле. Иными словами: первоначальные условия производства выступают как природные предпосылки, *естественные условия существования производителя*; точно так же, как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является *предпосылкой* его самого; существование (телесное) его самого есть такая естественная предпосылка, которая не им создана. Эти *естественные условия существования*, к которым он относится, как к принадлежащему ему неорганическому телу, сами двоякого порядка: 1) субъективного и 2) объективного. Производитель существует как член семьи, племени, рода и т. д., которые затем, смещиваясь с другими семьями и т. д. и противопоставляя себя им, принимают исторически различную форму, и в качестве такового он относится к определенным природным условиям (здесь можно пока сказать: к земле), как к своему собственному неорганическому бытию, как к условию своего производства и воспроизводства. Как естественный член коллектива он имеет свою часть в коллективной собственности и имеет в своем владении особую долю; точно так же, как он, будучи по своему происхождению римским гражданином, имеет идеальное (по меньшей мере) притязание на *ager publicus* и реальное—на такое-то количество югеров земли и т. д. Его *собственность*, т. е. отношение к естественным предпосылкам его производства, как к принадлежащим ему, как к *своим*, опосредствовано тем, что он сам является естественным членом известного коллектива. (Абстрактность коллектива, у членов которого нет ничего общего, кроме разве языка и т. д., и только, является, очевидно, продуктом гораздо более поздних исторических условий.) В отношении отдельного человека, например, ясно, что он даже к языку как к *своему собственному* языку относится только как естественный член какого-либо человеческого коллектива. Язык как продукт отдельного человека—бессмыслица. Но равным образом и собственность.

Сама речь—это продукт известного коллектива, и, с другой стороны, она сама есть наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие. [Коллективное производство и коллективная собственность, как они встречаются, например, в Перу, являются, очевидно, *производной* формой, введенной и занесенной племенами-завоевателями, знавшими у себя на родине коллективную собственность и коллективное производство в их древней неосложненной форме, в какой она встречается в Индии и у славян. Повидимому, и та форма, которую мы встречаем у кельтов, например в Уэльсе, тоже занесена к ним, является *производной*, введенной завоевателями у завоеванных племен, стоявших на более низкой ступени развития. Завершение и систематическая разработка этих систем из одного *вышестоящего центра* доказывают их более позднее происхождение. Точно так же, как феодализм, введенный в Англии, был по форме более законченным, чем феодализм во Франции, сложившийся там естественным путем.] [У кочевых пастушеских племен,—а все пастушеские племена первоначально кочевые,—земля, наравне с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют как пастбище и т. д., на ней кормятся стада, которыми, в свою очередь, существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности. Такого рода собственностью является район охоты у диких индейских племен в Америке; племя считает известный район своей областью для охоты и силой отстаивает его против других племен, либо пытается изгнать другие племена из удерживаемых ими областей. У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни. *Присваивается* и *воспроизводится* здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща*.] Единственной преградой, на которую данный коллектив может натолкнуться в своем отношении к естественным условиям производства—к земле—(уж если мы сразу перейдем к оседлым народам), как к *своим*, является *другой коллектив*, который уже располагает этими условиями, как своим неорганическим телом. Поэтому *война*—это один из самых первобытных видов труда каждого из этих естественно сложившихся коллективов как для отстаивания собственности, так и для приобретения ее. (Мы можем здесь фактически ограничиться замечаниями о первоначальной собственности на землю, ибо у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли—на овец например—это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются. Вообще собственность на землю включает также и собственность на ее органические продукты.) [Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, вскоре извращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних. Простая организация приобретает в силу этого отрицательное значение.]

Собственность означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его естественным условиям производства, как к принадлежащим ему, как к своим, как к *предпосылкам*, данным вместе с его *собственным бытием*; отношение к ним, как к *естественным предпосылкам* его самого, образующим, так сказать, лишь его удлиненное тело. У него собственно нет отношения к своим условиям производства, а дело обстоит так, что он сам существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно—в этих естественных неорганических условиях своего

существования. Формы этих *естественных условий производства* двоякие: 1) его наличное бытие как члена какого-либо коллектива; следовательно, наличие этого коллектива, являющегося в своей первоначальной форме *племенной организацией*, более или менее видоизмененной *племенной организацией*; 2) отношение к земле через посредство коллектива, как к своей земле, коллективная земельная собственность, в то же время *единоличное владение* для отдельного лица, или же существует такой порядок, при котором разделу подлежат только плоды, сама же земля остается общей и обрабатывают ее сообща. (Зато жилища и т. д., будь это даже повозки скифов, все же находятся всегда во владении отдельного лица.) Одним из естественных для живого индивида условий производства является его принадлежность к какому-либо *естественно сложившемуся обществу*, племени и т. п. Это, например, является уже условием для его речи и т. д. Его собственное производительное бытие обусловлено только этим. Этим обусловлено его субъективное существование как таковое, точно так же, как оно обусловлено тем, что он относится к земле как к своей лаборатории. (Собственность первоначально, правда, *движима*, ибо человек сначала завладевает готовыми плодами земли, к числу которых относятся, между прочим, и животные, а для него, в частности, животные, поддающиеся приручению; но даже это состояние—охота, рыболовство, пастушество, существование плодами деревьев и т. д.—всегда предполагает присвоение земли либо для постоянного места жительства, либо для переселения с места на место, либо как пастбища для животных и т. д.)

Собственность подразумевает, следовательно, принадлежность индивида к какому-либо племени (коллективу) (иметь в нем основу своего субъективно-объективного существования), а вследствие отношения этого коллектива к земле, как к его неорганическому телу—отношение индивида к земле, к изначальному внешнему условию производства (так как земля есть в одно и то же время и сырье, и орудие, и плод), как к неотъемлемой предпосылке его индивидуальности, к способу существования последней. Мы сводим эту собственность к отношению к условиям производства. Почему же не потребления? Ведь первоначально производство индивида ограничивается воспроизводством его собственного тела путем присвоения им готовых предметов, подготовленных самой природой для потребления? Даже там, где надо всего-навсего лишь *находить, открывать*, это очень быстро начинает требовать напряжения сил, труда (как при охоте, рыболовстве, пастушестве) и производства (т. е. развития) у субъекта известных способностей. А затем такая обстановка, когда можно брать то, что имеется, не прибегая ни к каким орудиям (следовательно, уже к продуктам труда, предназначенным для производства), не изменяя формы того, что имеется (а такого рода изменение осуществляется даже при пастушестве), и т. д., подобное положение вещей очень скоро переходящее и нигде не может считаться нормальным, даже нормальным первоначальным положением вещей. Впрочем, первоначальные условия производства сами собой включают вещества, потребляемые прямо, без применения труда, как то: плоды, животные и т. п.; значит, фонд потребления сам является составной частью *первоначального производственного фонда*.

Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому коллективное устройство первоначально и сводится),—быть членом племени,—делает завоеванное, покоренное племенем чужое племя *лишенным собственности* и повергает его самого в разряд тех *неорганических условий* воспроизводства, к которым коллектив относится, как к своим. Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе. Они неизбежно изменяют все его формы. Меньше всего могут они

это сделать при азиатской форме. В том единстве промышленности и земледелия, обеспечивающем существование коллектива, на котором основана эта форма собственности, завоевание не является таким необходимым условием, как там, где преобладает исключительно *земельная собственность, земледелие*. С другой же стороны: так как отдельный человек при этой форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам—собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения.

Далее ясно:

Собственность, поскольку она есть только известное отношение к условиям производства, как к *своим* (что касается отдельного человека, то это отношение создано коллективом, объявлено законом и гарантировано им; следовательно, наличное бытие производителя является бытием в объективных условиях, *принадлежащих ему*), осуществляется только через само производство. Действительное присвоение сперва совершается не в мысленном, а в действительном, реальном отношении к этим условиям, действительное использование их как условий своей субъективной деятельности.

Но вместе с тем совершенно ясно, что *условия эти меняются*. Лишь в силу того, что племена охотятся, известная полоса земли становится районом охоты; лишь благодаря земледелию к земле относятся, как к удлиненному телу индивида. После того как *город Рим* был построен и расположенные вокруг него земли были возделаны его гражданами, условия коллектива стали иными, чем до этого. Цель всех этих коллективов—сохранение, т. е. *воспроизводство образующих коллектив индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их в том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения одних членов к другим и в силу этого образует самую общину. Но это воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением ее*. Например, там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким количеством акров земли, этому препятствует уже рост населения. Если предпринимаются меры для устранения этого, то прибегают к колонизации, а колонизация вызывает необходимость в завоевательных войнах. В результате—рабы и т. д. Увеличение *ager publicus*, к примеру, то же самое; в результате—патриции, являющиеся представителями коллектива в целом, и т. д. Таким образом, сохранение старого коллектива включает разрушение условий, на которых он основывается, переходит в свою противоположность. Если бы, например, предположить, что производительность может быть увеличена на прежней земельной площади путем развития производительных сил и т. д. (подобное развитие при старинном традиционном способе обработки земли происходит как раз всего медленнее), то это включало бы новые способы труда, новые виды его сочетания, затрату значительной части дня на земледелие и т. д., а это, в свою очередь, снова подрывало бы старые экономические условия коллектива. В самом акте воспроизводства меняются не только объективные условия, так что, например, деревня становится городом, дебри—очищенным от леса полем и т. д., но производители сами меняются, вырабатывая в себе новые качества, развивая самих себя благодаря производству, переделывают себя, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык. Чем более самый способ производства соответствует старинным традициям (а в земледелии традиционный способ держится долго, еще дольше в азиатском сочетании земледелия и промышленности), т. е. чем меньшим изменениям подвергается *действитель-*

ный процесс присвоения, тем устойчивее старые формы собственности, а следовательно, и коллектив вообще. Там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, от самих себя, как городской общины и как людей, распоряжающихся территорией города, там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может *лишиться* своей собственности, т. е. может лишиться того двойного отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и *собственником*. В восточной форме такая *утрата*, если не считать влияния чисто внешнего характера, почти невозможна, так как *отдельный* член общины никогда не встает к ней в свободное отношение, в силу которого он мог бы утратить свою связь (объективную, экономическую) с ней. Он прирос к ней прочно. Причина этого тоже заключается в соединении промышленности и земледелия, города (села) и земли. У древних промышленность уже представляется пагубным делом (занятием вольноотпущенников, клиентов, чужеземцев) и т. д. Это развитие производительного труда (освобожденного от простого подчинения земледелию в качестве домашнего труда, труда свободных, предназначенного только для земледелия и войны или промышленности, направленной на обслуживание нужд богослужения и таких потребностей коллектива, как строительство домов, сооружение дорог, возведение храмов), неизбежно совершающееся благодаря сношениям с чужеземцами, благодаря рабам, стремлению обменивать свой прибавочный продукт и т. д., разлагает способ производства, на котором основывается коллектив, а следовательно, и каждое *объективно отдельное лицо*, т. е. индивид, обозначаемый как римлянин, грек и т. д. Обмен действует таким же образом; долговое закабаление и т. д.

Первоначальное единство особой формы коллектива (племени) и с ним связанной собственности на природу или отношение к объективным условиям производства как к природному бытию, как к опосредствованному общиной объективному бытию отдельного человека (единство, которое, с одной стороны, выступает как особая форма собственности) имеет свою живую действительность в самом определенном *способе производства*, способе, являющемся в такой же мере отношением индивидов друг к другу, как их определенным действительным отношением к неорганической природе, определенным способом труда (который всегда бывает семейным трудом, часто—трудом общинным). В качестве первой великой производительной силы выступает сам коллектив; для особого рода условий производства (например скотоводства, земледелия) развивается особый способ производства и развиваются особые производительные силы как субъективные, проявляющиеся как свойства индивидов, так и объективные.

Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определенные отношения их между собой и к природе)—вот в чем, в конечном счете, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нем собственности. До известной точки—воспроизводство. Затем переходит в разложение.

Собственность означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего) субъекта (или воспроизводящего себя субъекта) к условиям его производства или воспроизводства, как к своим. Поэтому она будет принимать различные формы сообразно условиям этого производства. Производство преследует цель воспроизводства производителя в этих объективных условиях его бытия и с их помощью. Это отношение индивида к условиям труда, как к своей собственности (не в силу того, что они результат труда, а в силу того, что они

являются предпосылкой труда, т. е. производства), предполагает определенное наличное бытие индивида как члена известной племенной организации или коллектива (собственностью которого он сам в известной мере является). При рабстве, при крепостной зависимости и т. д. сам рабочий является лишь одним из природных условий производства, служащих некоему третьему индивиду или коллективу (это не относится, например, к Востоку при существующем там поголовном рабстве; это так *только* с точки зрения европейской); собственность, таким образом, более уже не является отношением самостоятельно трудящегося индивида к объективным условиям труда,—рабство, крепостная зависимость и т. д. всегда являются производными, никогда не первоначальными, несмотря на то, что это необходимый и последовательный результат собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя. Конечно, очень просто вообразить себе, что некий богатырь, физической силой превосходящий остальных, сперва поймав зверя, ловит затем человека для того, чтобы заставить его ловить зверей, словом, пользуется так же и человеком в качестве одного из имеющихся в природе условий для своего воспроизводства, как он пользуется всяким другим существом природы (при этом его собственный труд сводится к властвованию). Но подобный взгляд нелеп (как бы он ни был правилен с точки зрения данного племени или коллектива), так как он исходит из развития *обособленных* людей. Человек обособляется как индивид лишь силой исторического процесса. Первоначально он выступает как *общественное существо, племенное существо; стадное животное*—хотя отнюдь не как *зоополитикон* в политическом смысле. Сам обмен—одно из главнейших средств этого обособления индивидов. Он делает стадное существование ненужным и разлагает его. Дело оборачивается таким образом, что человек как обособленный индивид предоставлен только сам себе, средства же для того, чтобы отстоять себя как обособленного индивида, заключаются в том, чтобы браться за все, не гнушаясь ничем. В этом коллективе предполагается объективное существование отдельного человека как собственника, к примеру скажем: как земельного собственника, и притом при известных условиях, которые приковывают его к этому коллективу или, лучше сказать, которые обращают звено в его цепь. В буржуазном обществе рабочий, например, совершенно лишен средств объективного существования, существует субъективно; зато *противостоящая ему вещь* превратилась теперь в *подлинное общественное существо*, которое он стремится пожрать, но которое пожирает его.

Все формы (все они сложились в той или иной степени естественным путем, но все в то же время являются результатами исторического процесса), при которых коллектив предполагает субъектов в определенном объективном единстве с их условиями производства, или при которых определенный способ существования субъектов предполагает самый коллектив в качестве условий производства, по необходимости соответствуют только ограниченному и принципиально ограниченному развитию производительных сил. Развитие производительных сил разлагает их, и самое их разложение является, в свою очередь, развитием производительных сил людей. Сначала трудятся на известной основе—сперва естественным образом, затем создается историческая предпосылка. Но потом сама эта основа, или предпосылка, уничтожается, или к ней относятся, как к переходящей предпосылке, ставшей чересчур узкой для того, чтобы прогрессивная человеческая масса могла на ней развиваться.

Вопрос о том, в какой мере античная земельная собственность воскрешает в современной парцеллярной собственности, относится к политической экономии, и мы на нем остановимся в разделе о земельной собственности.

(Все это разобрать еще раз—глубже и подробнее.)

Здесь речь идет прежде всего о следующем: отношение труда к капиталу или к объективным условиям труда, как к капиталу, предполагает исторический процесс, разлагающий различные формы, в которых рабочий является собственником, или в которых собственник трудится. Следовательно, прежде всего: 1) *Разложение* отношения рабочего к земле, как к естественному условию производства, к которому он относится, как к своему собственному неорганическому наличному бытию, как к лаборатории своих сил и области, где господствует его воля. Все формы, в которых встречается эта собственность, предполагают *коллектив*, члены которого, хотя между ними, возможно, и существуют формальные различия, в качестве членов коллектива являются *собственниками*. Первоначальной формой этой собственности является поэтому непосредственная *коллективная собственность* (*восточная форма*, видоизмененная у славян; развитая до противоположности, но все же являющаяся еще скрытой, хотя и противоречивой, основой в античной и германской собственности). 2) *Разложение отношений*, в которых рабочий является *собственником орудия*. Как приведенная выше форма земельной собственности предполагает *реальный коллектив*, так эта собственность рабочего на его орудие предполагает особую форму развития промышленного труда—*ремесленный труд*; с этим связан цехово-корпоративный строй и т. д. (Древневосточную промышленность можно будет разобрать уже при рассмотрении пункта 1-го.) Здесь труд сам еще наполовину искусство, наполовину самоцель и т. д. Мастерство. Капиталист сам еще является мастером. Особым навыком к труду обеспечивается обладание и орудием и т. д. и т. п. При этом существует в известной мере наследование способа труда вместе с организацией труда и вместе с орудием труда. Средневековые города. Труд—это пока еще его собственный труд; определенное развитие односторонних способностей и т. д., достаточное для себя. 3) И в том и в другом случае он до начала производства обладает предметами потребления, необходимыми для того, чтобы просуществовать как производитель, следовательно, просуществовать то время, пока он производит до завершения производства. Как собственник земли он является непосредственно снабженным необходимым фондом потребления. Как мастер он получил его по наследству, нажил, скопил его, а как подмастерье он сначала *ученик*, совсем еще не представляет из себя настоящего, самостоятельного рабочего и столуется по-патриархальному у мастера. Для подмастерья (действительного) существует известная общность участия в фонде потребления, находящемся в распоряжении мастера. Если этот фонд и не является *собственностью* подмастерья, то все же подмастерье по цеховым законам, по цеховому обычаю и т. п. является по крайней мере его совладельцем и т. д. (Остановиться на этом подробнее.) 4) С другой стороны, равным образом *разложение отношений*, при которых *сами рабочие*; сами живые носители способности к труду еще *непосредственно принадлежат к объективным условиям производства* и в качестве таковых присваиваются,—стало быть, являются рабами или крепостными. Для капитала условием производства является не рабочий, а только труд. Если капитал может заставить машины, или тем паче воду, воздух, выполнять работу, тем лучше. И присваивает он не рабочего, а его труд—не непосредственно, а при посредстве обмена.

Таковы, с одной стороны, исторические предпосылки для того, чтобы найти рабочего как свободного рабочего, найти его как лишенную объективных условий производства чисто субъективную способность к труду, противостоящую объективным условиям производства как *не-его-собственности*, как *чужой собственности*, как самостоятельно существующей стоимости, как капиталу...